

УДК 94(367), 94(368), 94(47).01, 94(47).02
DOI 10.52452/19931778_2023_4_31

САНКЦИЯ «ПРЕВРАЩЕНИЕ В РАБА НА ТОМ СВЕТЕ» В ДОГОВОРЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ РЮРИКОВИЧА

© 2023 г.

А.С. Шавелев

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

alexissorel@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2023

Дается интерпретация и приводятся содержательные параллели к санкции-проклятию, которое должно было настичь нарушителей договора князя (архонта Руси) Игоря Рюриковича с византийскими императорами. Согласно ей, клятвопреступник в качестве наказания обязательно должен стать рабом в «век будущий», т. е. в загробном мире. Хотя концепт «будущего века» является сугубо христианским, однако бытование у народа русь идеи того, что убитый может оказаться на том свете рабом своего убийцы, независимо зафиксировано в «Истории» Льва Диакона. Это представление было настолько сильным, что сформировало у русских воинов практику суицида в безвыходных ситуациях, которую со слов очевидцев ярко описали ромей Лев Диакон и перс Ибн Мискавайх. Аналогичное представление о том, что убитый или казненный будет рабом своего убийцы, согласно венгерским хроникам XIII–XIV вв., отразившим эпико-историческую память о прошлом, бытовало в X в. у народа мадьяр. Таким образом, санкция договора князя Игоря отразила вполне аутентичный элемент представлений народа русь об ином мире и значимый детерминант их этики.

Ключевые слова: русь, мадьяры, X век, мировоззрение руси, договор князя Игоря, санкция клятвопреступникам.

Введение

Договор русского князя (архонта Руси) Игоря Рюриковича с ромейскими (византийскими) императорами Романом I Лакапином, Константином VII Багрянородным и Стефаном Лакапином был заключен между августом 931 г. (смерть старшего сына императора Романа I Христофора Лакапина) и декабрем 944 г. (свержение и удаление в ссылку императора Романа I). Текст договора сохранил описания ритуальных практик народа русь X в. (см. ниже). Соответственно, анализ этих описаний позволяет реконструировать некоторые стоящие за обрядами элементы мировоззрения народа русь.

Реконструкция текстов трех договоров русских князей с византийскими императорами должна проводиться по той же процедуре, что и весь остальной «архетипический» текст «Повести временных лет», в который они были «вмонтированы» ее автором. Из шести полных списков две независимые ветви традиции представляют Лаврентьевский и Троицкий (его чтения сохранились лишь частично) «против» Ипатьевского и Хлебниковского. Радзивилловский и Московский-Академический списки дают текст, возникший в результате контаминации между Лаврентьевским и Ипатьевским вариантами, границы переключения между ними достоверно пока не выявлены, что затрудняет их использование в реконструкции архетипического текста.

Таким образом, в идеальном случае формула восстановления изначального чтения должна быть «(Лавр. + Троиц.) = (Ип. + Хлеб.)» или как минимум «Лавр. ∨ Троиц. = Ип. ∨ Хлеб.» [1]. Более сложные случаи, разумеется, требуют применения индивидуальных подходов к реконструкции, базирующихся зачастую на внетекстологических основаниях: применительно к рассматриваемой мной части текста договора это означает в ряде случаев выбор в качестве архетипических либо «Лаврентьевских», либо «Ипатьевско-Хлебниковских» чтений.

Санкция-проклятие и его мифоритуальные элементы

Текст части договора, содержащий санкции его потенциальным нарушителям, может быть реконструирован и переведен следующим образом: «*...Мы оть рода русаго сълы и гостие <список имен русских участников договора и их послов> послании оть Игоря великаго князя русаго и оть всякоя [Ип.:всея] княжия и оть всѣхъ люди Руския земля. И оть техъ заповедано обновити ветъхьи миръ, оть ненавидящаго добра и враждолюбца диявола разоренни оть многъ лѣтъ. И оутвердити любовь межю греки и русью. И великий князь нашъ Игорь и князи и бояре его и людие вси рустии послаша ны къ Роману и Константину и къ Стефану великимъ ц(ѣса)р(е)мъ гречскимъ створити любовь съ

самѣми ц(ѣ)са)ри и съ всѣмъ болярством и со всѣми людьми греческими на вся лѣта дондеже сияеть с(о)лнце и весь миръ стоитъ. И иже помыслить отъ страны Рускыя раздрушити такую любовь, и елико ихъ к(рѣ)щение [Ип.-Хл.: с(вѣ)щение] прияли суть, да примуть мечь отъ Б(о)га Вседержителя осуждение на погибель и въсь вѣкъ и въ будущи[Лавр.: въ весь вѣкъ въ будущи]. А елико ихъ есть не кр(ѣ)щено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не оущитятся щиты своими, и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣль и отъ иного оружья своего, и да будутъ рабивъ съ вѣкъ и въ будущи [Лавр.: въ весь вѣкъ въ будущи] «Мы из русского народа послы и купцы... посланные от Игоря великого русского князя и от всей князии (*resp. Всей совокупности князей Русской земли*) и от всех людей Русской земли. От них (*resp. великого князя, всех князей и людей Русской земли*) поручено нам (*resp. послам и купцам*) обновить старый мир (*resp. мирный договор*), ненавидящим добро любителем вражды дьяволом нарушенный за многие годы, и утвердить мир (*resp. мирный договор*) между греками и русью. И великий князь наш Игорь, и князья, и бояре его, и все русские люди послали нас к Роману (*resp. I Лакапину*) и Константину (*resp. VII Багрянородному*), и к Стефану (*resp. Стефану Лакапину*) великим царям греческим, заключить мир с самими царями, и со всем боярством, и со всеми греческими людьми на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. И если задумает [некто] из русской страны нарушить этот мир, сколько из них [уже] приняли крещение, пусть получают мечь от Бога Вседержителя, пусть [будут] осуждены на погибель и на этом свете, и на том (*vel навсегда на том свете*). А сколько из них некрещеных, не получают помощи [ни] от Бога, ни от Перуна, и пусть не защитятся щитами своими, и пусть будут убиты мечами своими, и стрелами и другим оружием своим, и пусть будут рабами на этом и на том свете (*vel навсегда на том свете*)» [2, р. 270–281; 3, р. 67–70].

Формула «на вся лѣта дондеже сияеть с(о)лнце и весь миръ стоитъ / на все года, пока сияет солнце и мир существует», метафорически обозначающая вечность, точнее, максимально возможную длительность до конца света, вполне вписывается в христианскую эсхатологическую картину протяженности истории мира до будущего Апокалипсиса, однако она находит яркую типологическую параллель в «Lex Frisionum», судебнике народа фризов последней четверти VIII в. [4, р. 167; 5, р. 5–6]. Следовательно, не исключено, что формула договора князя Игоря отражает не только элемент

ромейской политической теологии, но и оригинальную русскую политическую риторику.

Представленные в разных вариациях во всех трех договорах русских князей Олега, Игоря и Святослава клятва на оружии и санкция-проклятие за ее нарушение в виде смерти от своего же оружия (в договоре князя Игоря: «не оущитятся щиты своими, и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣль и отъ иного оружья своего») были подробно проанализированы А.А. Фетисовым [6]. Он показал, что ритуал клятвы на оружии зафиксирован у раннесредневековых аваров и болгар, а мифологема (идеологема) смерти от собственного оружия как наказания за клятвopреступления и другие недостойные поступки отразилась как в древнескандинавских эпосе и сагах, так и в эпосе народов Кавказа (прежде всего в сказаниях о нартах). Таким образом, речь идет об универсальном обряде и стоящей за ним столь же «интернациональной» этико-юридической идее, присущих различным народам Западной Евразии, исповедующим примордиальные плюралистические культы («язычество»). Аргументы А.А. Фетисова не оставляют сомнений в том, что тексты договоров русских князей с ромейскими императорами сохранили вполне аутентичный элемент обрядовой практики и стоящий за ней элемент мировоззрения руси X в. [6, с. 45].

В договоре князя Игоря Рюриковича есть еще две санкции-проклятия для его потенциальных нарушителей. Первая предназначена для тех русских людей, которые уже приняли христианство: они будут наказаны своим Богом Вседержителем (*греч. Κύριος Παντοκράτωρ*). Вариант Лаврентьевского списка предполагает вариант осуждения клятвopреступника на смерть («на погибель») на этом свете («въсь вѣкъ») и погубление души – на том («и въ будущи (вѣкъ)»). Вариант списков Ипатьевского и Хлебниковского предполагает только осуждение на вечную погибель души на том свете («въ весь вѣкъ въ будущи»).

Вторая санкция предназначена для представителей руси, исповедующих примордиальную плюралистическую религию славян (конкретно – культ Перуна), они не получают помощи ни от христианского Бога, ни от Перуна, их не защитят их щиты и они будут поражены собственным оружием. А затем, согласно варианту Ипатьевско-Хлебниковскому, они станут рабами и на этом свете, и на том («да будутъ рабивъ съ вѣкъ и въ будущи»), или, согласно Лаврентьевскому, они в загробном мире навсегда получат статус раба («въ весь вѣкъ въ будущи»).

В данных проклятиях-санкциях длительность осуждения нарушителей обозначена су-

губо христианским обозначением «будущего века», взятым из заключительной части «никео-константинопольского» «Символа веры»: *греч.* «Προσδοκῶ ἀνάστασιν νεκρῶν, καὶ ζωῆν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος», *лат.* «Et exspecto resurrectionem mortuorum. Et vitam venturae seculi» и *ст.-слав.* «Чаемъ воскресения мертвымъ, и жизни будущаго вѣка» [7; 8]. Этот концепт явно внесен в текст договора ромейской (византийской) стороной. А вот идея превращения клятвопреступника в раба в качестве наказания явно внесена со стороны руси. Это ясно, поскольку она применяется только к той части руси, которая продолжает исповедовать свою родную примордиальную плюралистическую религию.

В «Истории» Льва Диакона из Калоз (написана после 13 мая 994 г.) сообщается следующее: «Λέγεται δὲ καὶ τοῦτο περὶ Ταυροσκυθῶν, μήποτε μέχρι καὶ νῦν ἑαυτοὺς ἐγχειρίζειν τοῖς δυσμενέσιν ἠττωμένους· ἀλλ' ἤδη τῆς σωτηρίας ἀπαγορεύσαντας ὠθεῖν τε κατὰ τῶν σπλάγγων τὰ ξίφη, καὶ οὕτως ἑαυτοὺς ἀναιρεῖν. Τοῦτο δὲ πράττουσι, δόξαν κεκτημένοι τοιαύτην· φασὶ γὰρ τοὺς πρὸς τῶν ἐναντίων κατακτεινομένους ἐν τοῖς πολέμοις, μετὰ τὸν μόρον καὶ τὴν ἐκ τῶν σωματῶν διάζευξιν τῶν ψυχῶν ἐν ἄδου τοῖς αὐθένταις ὑπηρετεῖν. Ταυροσκύθαι δὲ, τὴν τοιαύτην δεδιότες λατρείαν, ἀποστυγοῦντες δὲ καὶ τοῖς ἀναίρουσιν αὐτοὺς ἐξυπηρετεῖν, τῆς ἑαυτῶν σφαγῆς αὐτόχειρες γίνονται. Ἀλλὰ τοιαύτη μὲν ἡ ἐπικρατήσασα ἐν αὐτοῖς δόξα» (*Leo. Diac. IX. 8*) / «Рассказывают же и такое о тавроскифах, что никогда вплоть до нынешнего времени они, побежденные, сами никогда не сдаются в руки неприятелям: когда уже нет к спасению пути, пробивают снизу внутренности мечами и так сами себя убивают. Они же поступают так, охваченные таким убеждением: ибо они считают, что убитые в бою неприятелем становятся после смерти и отделения от тела души в Аиде (*resp.* в аду) [своего] убийцы прислужниками. Тавроскифы же, боясь такого служения, испытывая отвращение к прислуживанию своим убийцам, сами себя своими руками закалывают. Вот такое вот их убеждение управляет ими» [9, с. 358]. Здесь примечательно указание Льва Диакона на то, что народ русь сохраняет данное верование и, следовательно, продолжает практиковать запрещенный христианам суицид, во второй половине 990-х гг., т. е. уже после крещения князя Владимира Святославича в 987 г. Точно указан вид суицида – нанесение удара мечом во внутренности. Использовано слово «τὰ σπλάγγνα», которым обозначается совокупность внутренних органов, пригодных для жертвоприношения: сердце, легкие, печень, почки, а также в ряде случаев – кишки.

Аутентичность рассказа Льва Диакона подтверждается «Книгой испытания народов и осуществления заданий» арабо-персидского автора Абу Али Ахмада ибн Мухаммада ибн Якуба ибн Мискавайха (ум. 1034 г.). В ней приводится основанное на сообщениях очевидцев повествование о захвате группой народа русь (*араб. ар-русийа*) г. Барда'а (*совр.* г. Барда в Восточном Закавказье) в 332 г. х. (04.09.943–23.08.944). Группа русь устроила в городе и окрестностях тотальный террор и попыталась создать себе новую политику, обложив местных жителей данью в виде «подушной подати» (*джизьи*). В составе этого рассказа есть фактически вставная новелла о том, как пять русов, уединившихся в саду с пленными женщинами, были окружены толпой местных жителей-мусульман и с огромным трудом были ими убиты: «... И я (Ибн Мискавайх. – *А.Щ.*) слышал не от одного (рассказчика-информатора. – *А.Щ.*), как пять человек русов собрались в саду Барда'а. Среди них был юноша, безбородый и светлый лицом, сын одного из глав, и с ними женщины из пленниц. Когда мусульманам стала известна эта новость, окружили они сад. Собрались большое количество дейлемитов (в данном случае, видимо, – профессиональных воинов-наемников. – *А.Щ.*) и других для боя с этими пятью людьми, и старались добыть у них пленного. Но не было возможности его взять, потому что не сдавался ни один из них, и невозможно было убить их, пока они не убили мусульман во много раз больше, чем было их самих. И был тот безбородый (последним. – *А.Щ.*) из оставшихся (в живых. – *А.Щ.*). Когда он понял, что его возьмут в плен, то он влез на дерево, которое было рядом с ним, и не прекращал ранить себя кинжалом, бывшим у него, в те части тела [ранение которых смертельно], пока не упал замертво» (*пер. Т.М. Калинин*) [10, с. 105]. Из данного текста не ясно, зачем местные жители настойчиво пытались, несмотря на потери, пленить кого-то из русов: либо они хотели подвергнуть пленников пыткам в качестве мести за убитых соотечественников, либо, напротив, хотели обменять их на какого-то из своих. Однако даже молодой сын вождя, который в принципе мог бы рассчитывать на освобождение за выкуп или посредством обмена, не сдался в плен и предпочел самоубийство.

Вполне естественно, что Ибн Мискавайх вслед за своими информаторами ничего не сообщает об идеологеме «превращение в раба пленного и казненного в ином мире». Однако все остальные основные значимые детали в тексте Ибн Мискавайха совпадают с «Историей» Льва Диакона. Во-первых, бойцы из народа

русские сражаются до конца и не сдаются в плен, предпочитая плену самоубийство. Во-вторых, совпадает способ суицида: росы-русы наносят себе удары колюще-режущим оружием в жизненно важные части тела, повреждая внутренности. Этот способ добровольного лишения себя жизни типологически совпадает с японским обычаем разрезания живота «харакири» (сэппуку) и, соответственно, предполагает наличие некоего подобия «самурайской этики» и очень специфического психофизического настроения [11; 12].

Точно такое же верование о том, что убитый станет рабом своего убийцы на том свете, зафиксировано в хрониках Венгерского королевства в рассказах о прошлом, основанных на эпико-исторической устной традиции народа мадьяр. На это обратил внимание в единственной специальной работе на данную тему Д. Моравчик [13], он также привел аналогии из жизни народов монгольской ойкумены XIII в. [13, с. 73], но они, на мой взгляд, серьезно отличаются от русско-мадьярских примеров X в. по своей ритуальной форме и идеологическому содержанию, а следовательно, требуют отдельного подробного разбора.

В венгерской «*Иллюстрированной хронике*» («*Chronicon Pictum*», написанная после 1358 г.) в известии о битве на р. Лех 10 августа 955 г., в которой войска восточно-франкского короля (будущего императора Священной Римской империи) Оттона I Великого (936–973) нанесли поражение войску мадьяр, излагается легенда о том, что взятые в плен два мадьярских «благородных военачальника» Булчу (*лат.* Vulchu, Vulsu(u); *греч.* Βουλτζοῦς; *мадьярск.* Bulču, Bulšudi) и Лел (*лат.* Lel, Leel; *мадьярск.* Lél) были захвачены в плен и приведены «к цезарю» Германской империи, который предложил им выбрать способ своей казни. В ответ Лел попросил вернуть ему его «трубу» (*лат.* «tuba»), видимо, «рог» для трубления, и, получив его, он подошел к «цезарю», сделав вид, что хочет протрубить в свой рог, убил императора ударом этого рога по голове. При этом Лел проговорил: «*Tupreibus ante memichique in alio seculoeris serviturus*» / «Ты пойдешь передо мной (на тот свет. – *А.Щ.*) и на том свете (*досл.* в другом веке. – *А.Щ.*) будешь моим рабом». Хронист добавляет свой комментарий: «*Est namque fides Sciticorum, ut quoscumque viventes occiderent, in alio seculoipsis servireteneantur* / Поскольку скифы верят, что, любой, кого бы они ни умертвили при жизни, на том свете (*досл.* в другом веке. – *А.Щ.*) должен будет им служить». После этого Булчу и Лел были повешены [14, р. 100, 102]. В этом известии хроники все основные детали

вполне историчны, что подтверждается параллельными источниками: мадьяры действительно потерпели поражение от войск восточно-франкского короля, их вожди, включая Булчу и Лела, попали в плен и были казнены. Единственная фантастическая антиисторичная деталь – убийство пленным Лелом «германского императора» ударом рога по голове. Восточно-франкский король, позже император Священной Римской империи, Оттон I Великий не погиб в 955 г., тем более он не погибал от рук пленного мадьяра, а мирно скончался в 973 г. [15].

При всей фантастичности данной легенды она принадлежит вполне аутентичной историко-эпической устной традиции мадьярской элиты. Можно полагать, что она сложилась во второй половине X в. в качестве пропагандистско-идеологического «противоядия» после разгрома мадьярских войск и позорной казни их ключевых лидеров. Легенда позволяла считать, что даже проигравшие и казненные мадьярские военачальники отомстили за себя и взяли реванш на том свете. Впервые упоминание этой легенды встречается в хронике «*Деяния венгров*» магистра Симона (Шимона) Кежи, написанной между 1282 и 1285 г. В своем историческом сочинении Симон Кежа сообщает, что мадьярские военачальники Булчу и Лел были захвачены в плен, отправлены к германскому императору и повешены. Однако он добавляет, что есть альтернативный, совершенно фантастический, рассказ об их судьбе, что якобы один из них ударил императора «рогом» («*sumtuba*») по голове и убил. Однако сам Симон Кежа считает эту историю невероятной и неправдоподобной. Он, со ссылкой на хроники, пишет, что на самом деле мадьярские вожди заявили, что если их казнят, то ни один пленник из числа подданных германского императора не вернется, они будут либо убиты, либо навсегда станут рабами у мадьяр («*vel in perpetuam trade turser vitutem / или будут в вечное рабство отданы*»). А после повешения Булчу и Лела мадьяры убили двадцать тысяч германских («тевтонских») пленников, включая женщин и детей [16, р. 90, 92, 94].

Этот рассказ из «*Деяний венгров*», во-первых, подтверждает, что легенда об убийстве пленным мадьярским военачальником германского императора была укоренена в исторической памяти элиты Венгерского королевства, а не была результатом литературного творчества одного позднего хрониста – автора «*Иллюстрированной хроники*». Примечателен также мотив «вечного порабощения пленных», который присутствует в той версии рассказа, которую Симон Кежа считает соответствующей исторической действительности. Он указывает, что эту

версию он почерпнул из хроник («et libri continent cronisarum»), причем не совсем ясно, из венгерских или из германских. Но и в этой альтернативной версии истории Булчу и Лела присутствует мотив вечного рабства для пленных. Здесь, конечно, он рационализирован: мадьяры угрожают германскому императору, что в качестве мести за своих лидеров они не отдадут и не обменяют пленных, а оставят навсегда у себя в рабстве. Эта рационализация была произведена либо самим Симоном Кежей, либо авторами хроник, на которые он ссылается. Однако в финале рассказа мадьяры просто казнят всех пленных, ни о каком вечном порабощении хоть какой-то части из них речи не идет. С учетом полного изложения легенды в «Иллюстрированной хронике» можно думать, что в изначальной версии и этого рассказа и стоящим за ней вариантом устной историко-эпической традиции мадьяры угрожали именно казнью пленников, которые, по их мнению, после этого должны были стать навсегда рабами своих палачей-мадьяр на том свете.

Выводы

Итак, представление о том, что убитые в поединке или казненные люди, а также нарушители клятв могут попасть в рабство на том свете и вести загробную жизнь в качестве рабов, было характерно для народов русь и мадьяр середины – второй половины X в. Такое совпадение вполне объяснимо, поскольку процессы их этногенеза и политогенеза шли по очень похожим траекториям. Оба народа изначально были небольшими постоянно мигрирующими гипервоенизированными «коллективами выживания», находящимися во враждебном окружении. Они количественно уступали аборигенам и доминировали за счет агрессии, мобильности и превосходства в военных навыках и технологиях [ср.: 17]. В обоих случаях русь и мадьяры были пришельцами – захватчиками своих «новых родин» у славяноязычных обществ в Среднем Поднепровье и на Паннонской равнине. Оба народа с помощью постоянной военной агрессии и геноцида окружающих общностей в течение относительно короткого времени в X в. создали крупные централизованные политии – Русь Рюриковичей и Венгерское королевство. Соответственно, для обоих народов идеологема возможности попасть в «рабство в загробном мире» в случае убийства или казни после попадания в плен была вполне адаптивной. С одной стороны, она предохраняла от ненужного риска (например, позволяла без ущерба для репутации среди боевых товарищей отказываться от спонтанных

поединков, ср. такие примеры: [18, s. 307–308; 2, p. 958–968]), а с другой – заставляла воинов сражаться изо всех сил и в безвыходных ситуациях совершать суицид, не сдаваясь в плен.

Считать, что данное представление (верование) было заимствовано русью у мадьяр или, наоборот, мадьярами у руси, каких-либо явных оснований нет. Перед нами типичный случай появления изоморфной идеологеми в типологически сходной военно-политической субкультуре двух народов, находящихся в одинаковых исторических условиях и в одинаковой фазе социально-политического развития (ср. аналогичные выводы А.А. Фетисова об «интернациональности» ритуала клятвы оружием и стоящего за ним мифоэпического мотива смерти от собственного оружия: [6, с. 44]).

Исходя из имеющихся данных, не очень ясно, распространялась ли идея о том, что убитый будет рабом своего убийцы в загробном мире, на любые ситуации насильственной смерти человека в ходе массовых боевых столкновений или индивидуальных спонтанных убийств, или же рабство в ином мире предполагалось только для тех людей, чья гибель была связана с ритуальными ситуациями поединка, казни после пленения или клятвоступления. Не ясно также, освобождало ли погибшего индивида от посмертного рабского статуса в загробном мире последующее убийство его убийцы в рамках реализации обычая кровной мести. Видимо, все-таки нет, раз в венгерской легенде мадьярский лидер Лел спокойно пошел на позорную казнь через повешенье, будучи уверен, что убитый им германский император все равно останется его рабом на том свете. Точно так же не слишком ясно, как могли в загробном мире выстраиваться цепочки хозяев и рабов на том свете в случае затяжной кровной мести между двумя коллективами. Скорее всего, этико-идеологические системы примордиальных плюралистических религий руси и мадьяр просто не предполагали создания сложной и полностью логически непротиворечивой танатологической метафизики, объяснявшей все возможные нюансы, а ограничивались не очень согласованными дискретными примерами-нарративами, которые становились детерминантами их поведения.

Список литературы

1. Gippius A. Reconstructing the Original of the Povest' Vremennyx Let: A Contribution to the Debate // *Russian Linguistics*. 2014. № 38. P. 341–366.
2. The Povest' Vremennyx let. An Interlinear Collation and Paradosis / Comp. & Ed. by D. Ostrowski. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University Press, 2003. 2166 p.

3. I trattaidell' antica Russiaconl' Imperoromanod' Oriente / A curadi A. Carile e A.N. Sacharov. Roma: L'Ermadi Bretschneider, 2011. 196 p.
4. Stein-Wilkeshuis M. Scandinavians Swearing Oaths in Tenth-Century Russia: Pagans & Christians // Journal of Medieval History. 2022. № 28. P. 155–168.
5. Jackson E. Old Icelandic Truce Formulas (*Tryggðamál*). London: Viking Society for Northern Research, 2016. 38 p.
6. Фетисов А.А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // Славянский альманах. 2001. С. 36–46.
7. Kelly J.N. D. Early Christian Creeds. London; New York: Continuum, 1972. 446 p.
8. Костромин К. История славянского текста «Символа веры» через призму истории раскола XVII в. // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 32–65.
9. Λέων Διάκονος. Ιστορία / Μετάφραση – Εισαγωγή – Σχόλια του Β. Καράλη. Αθήνα: Εκδ. Κανάκη, 2000. 435 σ.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2009. 251 с.
11. Seward J. Hara-Kiri. Japanese Ritual Suicide. Rutland (Vermont); Tokyo: Ch. E. Tuttle Comp., Inc., 1972. 115 p.
12. Fusé T. Suicide & Culture in Japan. A Study of *Seppuku* as an Institutionalized Form of Suicide // Social Psychiatry. 1980. № 15. P. 57–63.
13. Moravcsik G. Zum Bericht des Leon Diakonie su-berden Glaubenandie Dienstleistung im Jenseits // Studia antiqua Antonio Salac septuagenario oblata. Prague: Sumpribus Academiae Scientarum Bohemoslovenicae. Praga, 1955. S. 74–76.
14. Chronicle of the Deeds of the Hungarians from the Fourteenth-Century Illuminated Codex / Ed. & Trans. by J. Bak & L. Veszprémy. Budapest; New York: CEU Press, 2018. 435 p.
15. Bowlus C.R. The Battle of Lechfeld and its Af-termath, August 955: The End Age of the Migrations in the Latin West. London; Aldershot; Burlington: Ashgate, Routledge, 2006. 223 p.
16. Simonof Kéza. The Deeds of Hungarians / Ed. & Trans. by L. Veszprémy & F. Schaer, Study by J. Szűcs. Budapest: CEU Press, 1999. 235 p.
17. Щавелев А.С. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121.
18. Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn / CFHB, V. Berolini; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 1973. 580 s.

SANCTION «ENSLAVEMENT» IN THE TREATY OF PRINCE IGOR RURIKOVICH

A.S. Shchavlev

The paper provides an interpretation and meaningful parallels to the sanction-damnation, which was to overtake the violators of the treaty of Prince (archon of Russia) Igor Rurikovich with the Byzantine emperors. According to it, the oath-breaker as punishment was bound to become a slave in the «future age», i.e. in the afterlife. Although the concept of the «future age» is strictly Christian, the idea that a murdered person may end up in the afterlife as a slave of his murderer is independently recorded to Rus' in the «History» of Leo Deacon. This notion was so strong that it formed the Russian warriors' practice of suicide in hopeless situations, which was vividly described by Roman Leo Deacon and Persian ibn Miskawayh from the words of eyewitnesses. A similar notion that the murdered or executed man would be a slave of his murderer, according to the Hungarian chronicles of the 13th–14th centuries, reflecting the epic-historical memory of the past, was common among the Magyar people in the 10th century. Thus, the sanction of Prince Igor's treaty reflected a quite authentic element of the Rus' people's perceptions of the other world and a significant determinant of their ethics.

Keywords: The Rus', the Magyars, the 10th century, the worldview of Rus' people, the treaty of Prince Igor, the sanction of oath-breakers.

References

1. Gippius A Reconstructing the Original of the Povest ' Vremennyx Let: a Contribution to the Debate // Russian Linguistics. 2014. № 38. P. 341–366.
2. The Povest ' Vremennyx Let. An Interlinear Collationand Paradosis / Comp. & Ed. by D. Ostro. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University Press, 2003. 2166 p.
3. I trattaidell 'antica Russiaconl' Imperoromanod ' Oriente / Viktoria curadi a. Carile e A.N. Sakharov. Rome: L'ermadi Bretschneider, 2011. 196 p.
4. Stein-M. Scandinavians in Tenth-Century Russia: Pagans & Christians // Journal of Medieval History. 2022. № 28. P. 155–168.
5. Jackson E. Old Icelandic Truce Formulas (*Tryggða-mál*). London: Viking Society for Northern Research, 2016. 38 p.
6. Fetisov A.A. Ritual content of the «oath by arms» in the Russian-Byzantine treaties X century: comparative typological analysis // Slavic Almanac. 2001. 2002. P. 36–46.
7. Kelly J.N. D. Early Christian Creeds. London; New York: Continuum, 1972. 446 p.
8. Kostromin K. The history of the Slavic text of the «Symbol of Faith» through the prism of the history of the Schism of the XVII century // Christian Reading. 2012. № 3. P. 32–65.
9. Λέων Διάκονος. Ιστορία / Μετάφραση – Εισαγωγή – Σχόλια του Β. Καράλη. Αθήνα: Εκδ. Κανάκη, 2000. 435 σ.
10. Ancient Rus in the light of foreign sources. Vol. III. Eastern sources / Comp. T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 251 p.

11. Seward J. Hara-Kiri. Japanese Ritual Suicide. Rutland (Vermont); Tokyo: Ch. E. Tuttle Comp., Inc., 1972. 115 p.
12. Fusé T. Suicide & Culture in Japan. A Study of *Seppuku* as an Institutionalized Form of Suicide // *Social Psychiatry*. 1980. № 15. P. 57–63.
13. Moravcsik G. Zum Bericht des Leon Diakonie suberden Glaubenandie Dienstleistung im Jenseits // *Studia antiqua Antonio Salac septuagenario oblata*. Prague: Sumptibus Academiae Scientiarum Bohemoslovenicae. Praeae, 1955. S. 74–76.
14. Chronicle of the Deeds of the Hungarians from the Fourteenth-Century Illuminated Codex / Ed. & Trans. by J. Bak & L. Veszprémy. Budapest; New York: CEU Press, 2018. 435 p.
15. Bowlus C.R. The Battle of Lechfeld and its Aftermath, August 955: The End Age of the Migrations in the Latin West. London; Aldershot; Burlington: Ashgate, Routledge, 2006. 223 p.
16. Simonof Kéza. The Deeds of Hungarians / Ed. & Trans. by L. Veszprémy & F. Schaer, Study by J. Szűcs. Budapest: CEU Press, 1999. 235 p.
17. Shchavelev A.S. Rusy/ Rosy in Eastern Europe: a model of invasion and some features of integration in the world of Eastern Slavs (the second half of the IX–X century) // *Ural Historical Bulletin*. 2013. № 1 (38). P. 112–121.
18. Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn / CFHB, V. Berolini; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 1973. 580 s.